

Память сердца

Кемерово довоенной поры представляло собой деревянный, с огородами и коровьиммычанием по утрам районный полудеревню-полугородишко. И только в тридцатые годы, в последнее перед войной десятилетие, он стал приобретать отдельные городские черты. На северо-западной его стороне густодымили трубы коксохима, азотно-тукового завода. Редкие многоэтажки – в три, в четыре этажа, отдельными островками возвышались среди черноты тесовых крыш.

Предметом гордости кемеровчан наряду с подвесной канатной дорогой через Томь стали звуковой кинотеатр «Москва» и белый двухэтажный магазин с непривычным еще названием УНИВЕРМАГ (до этого говорили – «многолавка»). Когда страна должна была спасти свою промышленность, чрезмерно сосредоточенную в западных областях, когда хлынули на восток эшелоны с заводским оборудованием, беженцами, городу, совершенно не готовому принять этот вал, пришлось совершить подвиг самоотвержения ради спасения страны. Эвакуированный осенью 1941 года с Украины Харьковский электромеханический завод, помимо универмага, был размещен в гараже автохозяйства, в трамвайном парке, в деревянном клубе КТС. Как могли, уплотняли и имеющийся жилой фонд. Семью моего заводского приятеля Виктора Рыбикова, вывезенную по «дороге жизни» из Ленинграда, поселили в одной половинке обычной, надвое поделенной фанерной перегородкой комнаты в доме с аптекой в Соцгороде. Из всех не столь уж многих в городе магазинов оставили только хлебные. Хлеб был по карточкам, но очереди за ним стали еще больше. Из окна нашего 3-го цеха, никогда не гасившего своих огней, было видно, как на другой стороне улицы Кирова, на высоком крыльце деревянного хлебного магазина, еще затемно выстраивались женщины, дети, инвалиды. Хлеб был главной ценностью. Его можно было продать, и не обязательно целую буханку, продать можно было пайку. За хлеб можно было выменять хороший костюм, хромовые сапоги. С наплывом эвакуированных на барахолке, что была на том же месте, где теперь крытый рынок, появилось много всяких вещей, но, Бог мой, какие там сделались цены!

Из Харькова под бомбежками было вывезено только заводское оборудование и самые-самые необходимые специалисты. Рабочих набирали здесь. Из тех, кто не дорос еще до призыва, и из женщин-домохозяек. Хлеб, вернее, рабочая карточка, были

главным стимулом, побуждавшим школьников оставлять свои парты, а женщин – своих малолетних детей. Благо, что заводов в городе становилось все больше. Кемеровская ГРЭС работала на пределе своей мощности. Три ее трубы ежедневно выбрасывали на город сотни тонн сажи. Снег, едва успев выпасть, становился черным. Хозяйки не могли вывесить на просушку белье. Когда в начале 42-го из восьмого класса с направлением из отдела кадров я пришел на 2-й этаж универмага, производство электромоторов для танков было уже налажено, хотя выпускались они пока мелкими партиями. Теперь увеличение выпуска моторов, а значит, и танков на уральских заводах, а следовательно, и погода на фронте зависели и от того, сумеет ли этот зеленый народ в кратчайший срок научиться делать свою работу лучше, быстрее и давать продукцию в количестве, необходимом фронту. Меня поставили учеником к Ане Раковой, девушке постарше меня, работавшей в цехе уже месяца три и считавшейся опытным токарем. На стареньком станке немецкого производства марки «Питтлер» она вытачивала какие-то зажимные кольца. «Питтлера» я сразу же мысленно окрестил Гитлером и не ждал от него ничего для себя хорошего. Так оно и вышло. Через пять дней Аня заболела, и меня по принципу «хочешь научиться плавать – прыгай в воду» поставили на смену. Я, внутренне обмирая от страха, крутил ручки, подводил к бешено вращающейся заготовке резцы, сверла, пытался делать эти самые зажимные кольца коллектора мотора МВ-12, который, как я уже знал, должен был очищать от пороховых газов воздух в танке. «Питтлер» ломал мои резцы, сверла, и надо было только удивляться терпению мастера Николая Ивановича Дзяделя, который фактически не отходил от моего станка. Постепенно дело пошло на лад. Маша Давыдова (Ванеева), что работала на соседнем станке, в отличие от большинства пацанов и девчонок, успела перед войной окончить десятилетку. Она пришла в цех в 41-м. - Еще только устанавливали станки, долбили мозаичный универмаговский пол и намертво бетонировали в нем тяжелые станины. Я помогала, чего-то подносила, чего-то уносила, была подсобницей. Теперь Маша опытный токарь, обрабатывает чугуны отливки – крышки корпусов мотора. «Как дробь пулеметная стрекот станка», оглушительно выстукивает резец, срезая излишки металла с ножек крышки. При обработке чугуна резцы не охлаждают водной эмульсией, чугунная пыль пачкает руки, лицо. Все девушки держат в тумбочках при станке

крохотные обломки зеркальца, чтобы время от времени прихорошиться.

Саша Метелица, будущий поэт, совсем еще пацаном эвакуированный из Харькова вместе с заводом и родителями, с зубилом и молотком в руках долбил в бетоне пола канавки для прокладки кабеля к станкам. – А я ведь до войны на скрипке учился играть, – с сожалением говорил он потом, вспоминая свои разбитые в кровь пальцы.

До войны... Мы хотели быть взрослыми и не знали, что это случится так, как случилось, то есть совсем скоро. Кто-то из тех, кто постарше, погибнет в том же 41-м году. У всех остальных жизнь пойдет не так, как они собирались ее строить.

Впрочем, наиболее целеустремленные из той, военных лет молодежи, пусть и с опозданием, сумели добиться поставленной цели.

Маша Розенко, контролер ОТК, носила с собой на работу учебник. После войны поступила в Новосибирский мединститут, стала врачом. Известный в городе доктор Подгорбунский увидел в ней талант хирурга.

Пытался отстоять свою ученицу, когда горд-здрав решил выдвинуть ее на руководящую работу.

Мария Кузьминична многие годы успешно возглавляла поликлинику Заводского района, но и сейчас, на пенсии, жалеет о своей несостоявшейся карьере врача-хирурга.

Никаких фотографий цеха времен войны у меня нет. Да их и не могло быть. Время было суровое. «Кузбассэлектромотором»

завод стал называться потом. В войну это был Государственный Союзный завод No 652 со всеми вытекающими условиями его особого режима.

И все-таки у меня есть снимок, которым дорожу. На лесной полянке снята большая часть нашего коллектива. Но это не пикник, в войну не было ни праздников, ни выход-

ных. Это – выезд в колхоз, на картошку. Мне не повезло, я был на смене. Зато есть там обе моих сменщицы. Во втором ряду вторая слева – совсем юная красавица Нина, та, что плакала, когда от тряски разлетелось окно. Впрочем, девушки все были молоды и красивы. В этом же ряду четвертая – Аня Ракова, моя «учительница». Между ними – улыбающийся во весь рот Сережа Червов, токарь с самого большого в цехе станка, точившего самые крупные детали – корпуса к двигателям МБ-20. В третьем ряду, повыше Сережи, при галстукке – начальник цеха Арон Раев, всегда суровый и неприступный. Рассказывали, однако, что там, на выезде, он лучше всех работал, вместе со всеми плясал и пел песни. Впереди всей группы картинно полулежат Иосиф Эскин и Миша Семьянов, фронтовик, списанный из армии по ранению.

Потом их всех, кто есть на этом снимке и кого нет, назовут тружениками тыла. Они будто знали, что снимаются для истории, сумели навести красоту, девушки нарвали цветов.

В парке имени Жукова памятью о той, самой страшной войне стоят танки, пушки, самолеты. Лет пять назад здесь установили скульптурную композицию работы Алексея Хмелевского «Труженики тыла». Что поставили в парке имени полководца-победителя – закономерно. Ведь именно ему, Георгию Жукову, принадлежат слова: «Тыл – это половина победы. И даже больше...» Памятник монументален, в его фигурах угадывается мужество, воля, несгибаемость. Может быть, это и правильно, что в памяти потомков они останутся такими – суровыми и героически недоступными. Но почему же, созерцая этот, безусловно, интересный памятник, моя душа не приходит в движение? Может, потому, что я знал их в лицо и видел

их не такими, видел их обычными пацанами, пацанками, женщинами-солдатками, силою обстоятельств поставленными в условия, когда от них зависела судьба страны? Вот разве третья фигура композиции, подросток с голубями... Кого он мне напоминает? Может, братьев Адаевых – Женю и Мишку, неугомонных наших слесарят? ...Ночная смена перевалила на вторую половину, веки наливаются свинцом, недержимо хочется спать. Зажав в тиски прямоугольные стальные брусочки – полюса будущего электромотора, Адаевы вручную крутят воротки, нарезают резьбу. А гора этих деталей возле станка Лины Чушель все растет. Успеют ли слесарята обработать их до конца смены, если воротки сами вываливаются из усталых рук? Но вот, смотришь, слесарята оставили свою нудную работу, сорвались с мест, затеяли такую возню, как, бывало, в школе, вылетая из дверей класса после звонка! Заулыбались девчонки, сонливость как рукой сняло. А наш все понимающий мастер нашел заделье и ушел в другой конец цеха. Утром Маша Розенко, контролер ОТК, стучит молотком, ставит на деталях свое клеймо. Корпуса, уже с привинченными внутри полюсами, уносят на обмоточный участок. Женщины-обмотчицы, что придут в цех утром, уложат в них километры разноцветных проводов. А к вечеру военпред, офицер с погонами майора, будет подписывать бумаги, принимая готовые моторы. Жени и Миши Адаевых, наших неугомонных слесарят, уже нет в живых. Нет и Михаила Семьянова, и Иосифа Эскина, и Ани Раковой, и Сережи Червова... Лина Чушель после войны вернулась в Харьков. У нее хорошая семья, внуки. Пишет, что была в Кемерове: «Кругом все обошла, города не узнала. Ходила в универмаг, где мы работали, и на стадион, куда в перерыве

бегали кататься на коньках. Жить было очень тяжело, снимали угол у хозяйки. Молодость не была веселой, но духом не падали. Я занималась бегом, участвовала в спартакиадах, а также ходила на курсы снайперов. Но на фронт меня не взяли, так как мой отец был из поляков...»

Перебираю старые письма... Маша Яблокова – добрейшей души человек, какая бы неприятность у кого ни случилась, уж она найдет слова утешения, и не оставит его, пока не почувствует, что у человека немного полегчало на душе. Она живет теперь аж в Карпатах, в Западной Украине. У нее другая фамилия – Рябкова, другие заботы. Но в письме, полученном от нее в декабре 1999-го, она сокрушается, что не может приехать на день рождения Николая Ивановича: «...ему, наверно, будет девяносто!».

Я тогда, поздравляя Николая Ивановича Дзяделя, в прямом смысле «от имени и по поручению» сказал ему: «Ваша хата никогда не была с краю. Вы всегда отвечали за все. В том числе и за наше поколение, которое вошло в жизнь в сороковые-роковые. Вы были для нас умным наставником, примером для подражания и добрым старшим другом на всю оставшуюся жизнь».

Николай Иванович, дожив до девяноста, умрет в двухтысячном году. И проводить его из той, военного времени, команды придут лишь двое – Маша Розенко и я...

Перебираю старые письма... Мария Филяева, сверловщица, а к концу войны – сменный мастер, пишет из Калининграда: «Получила твое письмо с сообщением о смерти Николая Ивановича Дзяделя. Жаль, очень жаль. Порядочный, честный, умный наш наставник. У меня пронеслось в голове все... По особому распоряжению ГКО его вместе с другими мастерами ночью на маленьком самолете вывезли через фронт

из блокадного Ленинграда. Помню, как он прибыл в цех, худой, изможденный, в синей сатиновой косоворотке. Так и проработал в ней все годы. Когда он только успевал ее стирать?» Далее в письме Маша Филяева (теперь она Гусева) переживает за внука, курсанта мореходки: «Живем в ожидании от него вестей. Он находится в кругосветном плавании на паруснике «Крузенштерн». А у нас душа болит, ведь парусник небольшой, а там — три океана...» Жизнь рассеяла по стране бывших токарей, сверловщиц, фрезеровщиков, слесарей... Вот уж и внуки учатся летать. С распадом СССР многие, того не желая, оказались за границей. Но Кемерово для них, как первая любовь. В послевоенные годы все, кто мог, хотя бы по разу побывали здесь. И, конечно же, каждый зашел в наш старый, добрый, но совершенно неузнаваемый универмаг. Признаться, и я не часто заходил сюда. Как большинство пенсионерского нашего народа, в магазины я хожу, чтобы купить самое необходимое. А мое «самое необходимое» продается в магазинах попроще. И все-таки, изредка бывая здесь, я с интересом отмечал происходящие перемены. Начать с того, что здание было надстроено и расширено. Появилась роскошная мраморная лестница. Теперь не два, а четыре торговых этажа. Залы замкнуты в удобные для посетителей квадраты. А в залах... Как тут не вспомнить Париж, в котором довелось побывать в ходе круиза вокруг Европы в семидесятых годах прошлого века! Крылатая фраза «Увидеть Париж и умереть!» не показалась мне излишне восторженной. Париж — город удивительной притягательности! Но здесь я хочу привести лишь несколько строк из моего путевого дневника. «..Побывали в парижских магазинах. Что касается меня, прошедшего не одну полити-

ческую комиссию при райкоме, решавшую
пустить меня за рубеж или не пускать, я су-
мел сохранить, как мне кажется, достоин-
ство советского человека при виде их буржу-
азного изобилия. Но каково было смотреть
на женщин из нашей группы, на мою жену!
Они немели от одного только вида витрин,
полных самых обольстительных товаров. А
как все оформлено, как подсвечено, какая
потрясающая приветливость продавщиц!»
Кто помнит, как выглядели полки наших ма-
газинов той поры, поймет меня.
Нынче на дворе другие времена. Нынче
нет нужды ехать за покупками за границу.
«В ЦУМе есть все», – утверждает гене-
ральный директор ОАО «Кемеровский ЦУМ»
И. Л. Сельская. Эти ее слова я прочел в ро-
скошном рекламном журнале «Дорогое удо-
вольствие». Думал, журнал из Парижа. Ока-
залось, он издается в Кемерове.
С Ириной Леонтьевной Сельской по-
знакомился позднее. Был приятно удив-
лен, встретив в нашей торговой сфере
специалиста столь высокого класса. Дав-
но уже – кемеровчанка, замужем, мать
троих сыновей. Окончила наш Кемеров-
ский торгово-экономический универси-
тет. Работала продавщицей и продолжала
учиться. Поступила в Академию народного
хозяйства при Правительстве Российской
Федерации, получила квалификацию «Ма-
стер делового администрирования». Мало
того, поехала в Швейцарию, защитилась
в тамошней Школе бизнеса, подтверди-
ла степень магистра администрирования
бизнеса. Знакомство с Ириной Леонтьев-
ной было коротким, но, как мне показа-
лось, она не из тех руководящих дам, из-
лучающих величие того места, на которое
поставлена. Приятной внешности, молодо
выглядящая, хрупкая, быстрая. Назвать ее
по-теперешнему работодательницей язык

не поворачивается. Работодатель в моем представлении – это некая функция, не имеющая души: я тебе плачу – ты работаешь. Ты мне не угодил – я выставлю тебя за дверь. Ирина Сельская считает по-другому: «Обученный персонал – это основной капитал компании». А капитал, как известно, транжирят только недалекие люди.

Я ищу параллели с тем, советского образца, коллективом, с которым начинал трудовую жизнь в далекие сороковые, дух которого, как я полагаю, и сегодня витает в этих стенах. В довоенной школе не было производственного обучения. На заводы приходила молодежь, не имеющая никакого понятия о заводских профессиях. Наспех, в цехе, усваивали какие-то приемы обращения со станками. Потом, в процессе производства, постигали основы профессии, становились частью рабочего коллектива, принявшего на себя невероятную нагрузку, и справились с ней. С одной лишь обязательной оговоркой: справились, разделив ее со всем народом страны.

Руководство цеха, руководство завода могло бы, наверное, сказать о значимости возвращенного коллектива теми же словами: обученный персонал стал основным капиталом возрожденного завода. Потому и стремились всеми силами сохранить его. Время от времени то один, то другой токарь, слесарь, фрезеровщик приходил утром в кабинет Раева и клал на стол начальника цеха полученную вчера повестку из военкомата. Это означало лишь одно: вырос паренек, пришло его время с оружием в руках защищать Родину. Раев, приняв повестку,

говорил всегда одну и ту же фразу: «Иди, работай». Иные парни обижались, пробовали настаивать. Но действовала дисциплина военного времени. Теперь я понимаю высшую справедливость принципа, которому было подчинено все: прежде думай о Родине, потом о себе. Какой из тебя получится воин – еще неизвестно, но то, что ты квалифицированный рабочий – реальность, значит, твой долг способствовать победе своим трудом.

«Обученный персонал – основной капитал компании», – утверждает Ирина Сельская. И это не пустые слова, обучение здесь – процесс непрерывный. Только так можно не отстать от времени. Высший персонал компании обучается в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Среднее звено окончило либо обучается в профессиональных вузах. И все они в обязательном порядке передают свои знания младшему персоналу. В каждом отделе дважды в месяц проводятся семинары, где рассматриваются тонкости обращения с покупателем, знакомятся со вновь поступившими товарами. Делается это со всей возможной наглядностью. Берется конкретная вещь, анализируются ее качества, обсуждается, как ее показать, как заинтересовать покупателя, как продать.

Требовательность к персоналу не исключает заботы о нем. Естественно, что всякий здесь работающий пользуется полным пакетом социальных услуг. Кроме того, например, питание в собственной столовой предоставляется с пятидесятипроцентной

скидкой. В экстремальных ситуациях оказывается индивидуальная действенная помощь. Несмотря на кризис, в ЦУМе не был сокращен ни один человек. Выйдя на пенсию, ветераны получают от компании по 600 рублей добавки к пенсии ежемесячно. В ЦУМе есть все. Даже свой гастроном. Причем часть популярных продовольственных товаров – собственного производства цумовского общепита. Управляющая делами ЦУМа Лидия Ивановна Грибкова, что знакомит меня с универмагом, подчеркивает: – Мы предлагаем покупателям только качественные товары. Если это одежда, то самая модная, если продукты, то качество их проверено в лабораториях. Готовые блюда в нашем общепите – суп и чай – приготовлены не на водопроводной, а на бутилированной воде. У нас не бывает рекламаций. Зато полно благодарственных отзывов наших клиентов. Это действительно так, я читал эти отзывы, и, признаться, мне было приятно, что нынешние хозяева Дома, который когда-то послужил стартовой площадкой для многих еще неоперившихся молодых людей начала сороковых годов, – люди настоящие, умеющие ценить свой и чужой труд. В Кемерове сегодня множество магазинов и магазинчиков. Есть суперсовременные громады, есть небольшие, со своей специализацией. Но такой компактный, с таким широким ассортиментом, с такой культурой обслуживания – один. Тот, что в Центре. Это самое старое в городе торговое здание, имеющее свою замечательную историю. В трудное для страны военное лихолетье это

здание сыграло неоценимую роль, предоставив свою крышу под самое необходимое тогда – военное производство. И жаль, что эта сторона истории магазина фактически неизвестна большинству нынешних кемеровчан. Я размышлял, что среди мероприятий по программе подготовки к 65-летней годовщине нашей Великой Победы будет и такое: в один прекрасный день посетители ЦУМа станут свидетелями неброского, но примечательного события. На площадке лестницы – не той, мраморной, которой пользуется большинство клиентов, а старой, довоенной, в обстановке, приличествующей случаю торжественности, будет открыта мемориальная доска. На ней будут выбиты такие слова: «Здесь, на втором этаже Кемеровского универмага, в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) работал цех No 3 завода «Кузбассэлектромотор», выпускавший электродвигатели для танков Т-34 и КВ». Руководство ОАО «Кемеровский ЦУМ» приняло эту идею с пониманием. На площадке старой лестницы в стенах уже выбиты ниши для будущих ЗНАКОВ ПАМЯТИ.